

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И РОЛИ СТОЛИЧНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ГЕНЕЗИСЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

THE QUESTION OF THE PLACE AND ROLE OF THE CAPITAL ENTREPRE- NEURSHIP IN THE GENESIS OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917

V. Kuznetsov

Annotation

In article features of development of the capital of entrepreneurship, its role in the post-reform modernization of Russia, the creation of socio-economic and socio-cultural preconditions of the Russian revolution of 1917.

Keywords: post-reform modernization, factors, structure of business, business world, socio-economic and socio-cultural preconditions of the revolution.

*Кузнецов Владимир Николаевич
К.и.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
гражданской авиации*

Аннотация

В статье рассматриваются особенности развития столичного предпринимательства, его роль в пореформенной модернизации России, создании социально-экономических и социокультурных предпосылок Российской революции 1917 года.

Ключевые слова:

Пореформенная модернизация, факторы, структура предпринимательства, деловой мир, социально-экономические и социокультурные предпосылки революции.

Столетний юбилей Февральской и Октябрьской революций 1917 года вызывает повышенное внимание российского общества и ученых к проблеме генезиса, итогов и уроков этих исторических событий мирового значения. Из литературы известно, что буржуазные реформы 1860–1870-х гг. и контрреформы 1880–1890-х гг. породили большое число общественно-политических и социально-экономических противоречий, которые привели к первой русской революции 1905–1907 гг., а позднее – к Февральской и Октябрьской революциям 1917 года, согласно современному подходу объединяемых в одну непрерывную Российскую революцию [14, с.21]*.

* Поддерживая данный подход, автор считает возможным рассматривать Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую революции как два этапа единой Российской революции 1917 года. Перерастание первого ее этапа во второй явилось, с одной стороны, следствием сложившихся в это время конкретно-исторических условий, а, с другой стороны, закономерным результатом специфического развития России, обусловленного длительным воздействием на российское общество комплекса географических, природно-климатических, социальных и духовных факторов.

Наряду с центральными и местными органами государственной власти, интеллигенцией, общественными организациями, активным субъектом пореформенной модернизации Петербурга было столичное предприни-

мательство. При этом его модернизирующее влияние вышло далеко за пределы столицы. Являясь ведущим отрядом российского предпринимательства, столичный деловой мир внес большой вклад в реформирование многих отраслей материального производства, социальной и духовной сфер не только Петербурга, но и многих ближних и дальних регионов России. Вместе с тем его активная деятельность по преобразованию материальной и духовной сферы общественной жизни способствовала возникновению и обострению ряда политических, социально-экономических и социокультурных противоречий, ставших причинами революционных потрясений начала XX столетия.

Автор не претендует на раскрытие всех предпосылок и причин российских революций ввиду того, что эта проблема всегда находилась на острие идеологической борьбы, привлекала внимание историков разных поколений и общественно-политических взглядов, труды которых, посвященные разным аспектам этой сложной и неоднозначной проблемы, составляют значительную часть историографического наследия, посвященного революционному движению России [25].

В задачу статьи входит рассмотрение вопроса о месте и роли столичного предпринимательства* в реформировании экономики, социальной и духовной сфер обще-

ственной жизни Санкт–Петербурга и других российских регионов.

* Предпринимательство следует рассматривать двояко. С одной стороны, оно является разновидностью общегосударственной хозяйственно-экономической деятельности, а, с другой стороны, это – один из активных субъектов данной деятельности, который в, свою очередь, состоит из совокупности слоев, территориальных, отраслевых, профессиональных, социальных и других групп. При этом необходимо различать понятия "предпринимательство" и "деловой мир". Первое – более широкое понятие, включающее деловой мир – ядро предпринимательского класса, состоящее из крупного и среднего предпринимательства (традиционно относимого в отечественной историографии к классу буржуазии). Периферию этого класса составляет наиболее многочисленный низший слой – мелкое предпринимательство, относимое по традиции к мелкой буржуазии, что представляется не логичным. Хотя оно объективно и составляет широкую социальную базу для формирования делового мира, но, как свидетельствует исторический опыт, в действительности мелкое предпринимательство являлось (и является) аморфным и неустойчивым частнохозяйственным слоем, редкие представители которого в условиях изменчивой хозяйственно-экономической конъюнктуры и непредсказуемости государственной внутренней политики поднимались на более высокую ступень предпринимательской иерархии.

Выделяя столичный деловой мир, автор, отнюдь не умаляет активной преобразовательной деятельности других субъектов Северо–Запада России* Московского промышленного, Привисленского, Прибалтийского и других экономических районов, вовлеченных логикой исторического развития в модернизационный процесс и внесших свой вклад в экономическое, социальное и культурное развитие Российской империи.

* Северо–Запад России включал в границах 1897 года г. Санкт–Петербург, Петербургскую, Новгородскую и Псковскую губернии.

Но столичное предпринимательство в связи с особым его положением в политической, сословно–иерархической системе управления во 2–й половине XIX – нач. XX вв. являлось, по мнению автора, одним из наиболее активных участников, общепризнанным лидером российской капиталистической модернизации*.

* Под капиталистической модернизацией, происходящей в Российской империи во второй половине XIX – нач. XX вв., автор понимает процесс ломки традиционного, аграрно–патриархального общества и формирования в его недрах основ индустриально–буржуазного типа общества. Этот был сложный и противоречивый процесс, берущий начало с реформ Петра I. На протяжении XIX века он претерпел большие качественные изменения. В Петербурге, Москве, других региональных крупных торгово–промышленных центрах Российской империи, прежде всего, Царства Польского, Прибалтийского края, Великого княжества Финляндского, по мере утверждения рыночных отношений, накопления акционерного капитала, развития промышленного, фабрично–заводского производства, модернизации транспортной инфраструктуры, развертывания урбанистического и других модернизационных процессов внутри традиционного общества все больше проявлялись черты, присущие буржуазно–капиталистической формации.

Пореформенный модернизационный процесс включал четыре основных направления: 1) политико–правовую модернизацию, включавшую разработку нормативно–правовой базы буржуазных реформ, формирование институциональных основ хозяйственно–экономической деятельности; 2) экономическую модернизацию (распространение и утверждение рыночных, товарно–денежных отношений); 3) технико–технологическую модернизацию (обновление материально–технической базы в ходе завершающей стадии промышленной революции); 4) социальную модернизацию (демократизацию общественных и семейных отношений, формирование у городского населения, прежде всего властной "элиты" и привилегированной части столичного делового мира, светского, буржуазного менталитета. Выделяя указанные направления, автор не противопоставляет капиталистической модернизации пореформенной модернизации, включающей первую как составную часть общего модернизационного потока, а подчеркивает тем самым общий вектор политического, социально–экономического и культурного развития в общероссийском модернизационном процессе.

Начнем с выяснения причин негативного социального "имиджа" предпринимательства. Не вдаваясь в подробный анализ долговременных культурно–исторических факторов, оказывавших влияние на формирование и развитие предпринимательства, его деловое поведение, образ жизни и менталитет, относительно полно, хотя и не бесспорно, разработанных в историко–философской литературе, в том числе в работе автора [9, с.43–56], отметим лишь то, что имеет непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу.

В целом условия для развития предпринимательской деятельности в России на протяжении многих столетий были сложными и, в основном, неблагоприятными. На развитие предпринимательства влияли как объективные (географические, природно–климатические, политические, социальные, духовные), так и субъективные факторы, связанные с личными качествами правителей России и другими историческими обстоятельствами. Эти группы факторов возникали в разные исторические периоды не одновременно, оказывая на том или ином историческом этапе определяющее или ослабляющее влияние на развитие общественных отношений и предпринимательства. Применительно к XIX веку взаимоотношения российской власти, общества и предпринимательства заметно улучшились по сравнению с предыдущими веками, но оставались неоднозначными. В процессе решения крупных внешнеполитических и внутренних экономических проблем, неограниченная самодержавная власть активно содействовала развитию отдельных отраслей и видов предпринимательской деятельности (внешняя торговля, металлургическая, текстильная промышленность, военное производство и др.), создавая при этом благоприятные условия прежде всего для предпринимательской деятельности представителей земельной аристократии, высших сановников империи, а также торгово–промышленной верхушки купечества. В то же время основная часть предпринимателей не пользовалась покровитель-

ством государственных структур, "казенными" льготами и привилегиями.

Предпринимательство в России в отличие от западных стран находилось под жестким государственным контролем. Зависимые от расположения чиновничества, покровительства власть имущих и целого ряда объективных факторов, торговцы, промышленники и другие предприниматели были весьма уязвимы в ведении собственного дела. Любой начинающий, как, впрочем, и достигший значительных деловых результатов, предприниматель по прихоти чиновников мог быть обложен большими налогами, разорен и превратиться в мещанина, прикрепленного к земле крестьянина, а то и нищего. Лишиться имущества, здоровья, жизни он мог и в результате различных форсмажорных обстоятельств (экономические кризисы, стихийные бедствия, пожары и т.д.).

Помимо экономической свободы, отечественный предприниматель не имел и благоприятной социально-психологической атмосферы для проявления деловой активности. Если на Западе коммерция и бизнес традиционно рассматривались как престижные и уважаемые в обществе виды человеческой деятельности, поддерживались и освящались церковью, то в России предпринимательство считалось непочтенным занятием, несовместимым с христианской моралью, связанным с обманом и алчностью его представителей (купцов, ростовщиков, зажиточных крестьян и т.д.). Подобное отношение объясняется многовековым влиянием духовного и социального факторов.

В отличие от реформированного католичества, протестантских ветвей христианства, традиционное православие не способствовало развитию активности человека, проявлению инициативы, выделению из общего ряда, без чего невозможен предпринимательский риск и приобретение личной независимости через прирастающее богатство. Под влиянием ряда культурно-исторических факторов (определяющая роль государства во всех сферах общественной жизни, вызванная, в свою очередь, геополитическими, природно-климатическими, социальными и другими факторами), источником всех норм морали в православии считалась власть, подчинение человека сложившемуся порядку вещей. Общественным идеалом в православной религии считался аскет, убивающий плоть "ради общего блага"[26, с.9].

Стремление к благосостоянию низших слоев (основного резерва предпринимательства) с недоверием и осуждением воспринималось церковью. Однако привилегированное положение "элиты" оправдывалось и допускалось как идущее от Бога.

Тем не менее в менталитете русского человека под влиянием многовекового церковного и семейного рели-

гиозного воспитания в духе раннехристианских заповедей выработались такие качества, как доброта, милосердие, искание абсолютной истины, справедливость, стремление к уравнительности. Россия вплоть до 20-х годов XX в. оставалась аграрной страной со слабым развитием промышленности, где крестьянство составляло более 3/4 населения Российской империи. Естественно, что и общественное мнение формировалось под заметным влиянием менталитета этого самого многочисленного класса русской нации. Характерной особенностью русского народа, по мнению Н.А.Бердяева, было то, что он "никогда не был буржуазным, ... не имел буржуазных предрассудков и не поклонялся буржуазным добродетелям и нормам" [3,с.119]. Отличительными признаками русского национального характера являлись также коллективизм, привычка к совместной деятельности, выработанные природно-географической средой и определяющим воздействием крестьянской общины ("мира").

Интересно, что отсутствие пиетета к частной собственности, ощущение "греховности" богатства были характерны не только для менталитета крестьянства, но и других социальных групп (мещанства, ремесленников и др.) включая большинство предпринимателей. Даже, среди крупных промышленников и купцов, по мнению Н.О. Лосского, "были настроения, показывающие, что они как бы стыдятся своего богатства и уж, конечно, сочли бы кощунством называть право собственности "священным". Среди них было много меценатов и жертвователей больших сумм на различные общественные учреждения" [13,с.17]. Православное религиозное воспитание русских людей, как точно подметил Н.А. Бердяев, имело следствием "дуализм морали", который проявлялся, с одной стороны, в поклонении перед "истинной святостью" (примерами жизни и деяний таких подвижников церкви, как Серафим Саровский, Сергей Радонежский.), а, с другой стороны, в нежелании следовать в жизни принципам христианской морали. "Русский человек, по мнению философа, может быть отчаянным мошенником и преступником, но в глубине души он благоговеет перед святостью и ищет спасения у святых, у их посредничества" [4, с.76-77]. Появление известных героев "темного царства" А.Н. Островского, по мнению Н.О. Лосского, объясняется тем, что, накопление собственности, как и некоторые другие материальные ценности, "... могут у людей с сильной волей стать предметом всепоглощающей страсти. <...> Эта страсть становится тем более могущественною, что она естественно сочетается с другой страстью, с властолюбием: богатство дает человеку власть над многими людьми и возможность удовлетворять свои желания...<...>. Сочетание этих двух страстей обнаруживается в <...> самодурстве и семейном купеческом деспотизме" [13, с.34].

Итак, православное и общинно-патриархальное воспитание (духовный и социальные факторы) неоднозначно сказались на развитии российского предпринимательст-

ва. Под влиянием религиозного воспитания у многих торговцев и промышленников формировались не только уважаемые в русском народе высокие нравственные ценности, своим источником имеющие христианские заповеди и примеры подвижников русской церкви, но и негативные черты характера, осуждаемые и отвергаемые большинством населения России. Общинные патриархальные традиции, в свою очередь, препятствовали развитию духа предприимчивости в массе крестьянства, обрекая аграрную сферу на консервацию сложившихся общественных отношений, отсталых форм и методов хозяйствования, торможение развития сельскохозяйственного производства.

К сказанному следует добавить, что в составе отечественных предпринимателей были разные типы, вызывающие неоднозначное отношение даже в собственной среде. По негласному кодексу чести российский предприниматель делился на три группы – "...две почтенные и одну непочтенную, презираемую. К первой группе относились промышленники, фабриканты (даже мелкие), крупные торговцы–оптовики, имевшие, кроме того, свои промышленные предприятия, а позднее финансисты и предприниматели в области страхования и кредита. Ко второй – торговцы крупные, средние, мелкие, ведущие дело "по чести и без обмана". А к третьей, "презираемой", группе относилось большое количество всяческих жуликов, спекулянтов, перекупщиков, процентчиков, пытавшихся нажиться путем различных махинаций и обмана". К этой категории отношение первых двух "...было крайне отрицательно, как правило, их на порог не пускали и по возможности пытались всячески наказать" [23, с.30].

Примечательно, что общинные, коллективистские традиции народа ценила, поддерживала и охраняла официальная власть. Для России всегда были свойственны и естественны две формы собственности: государственная (казенная) и общинная (общественная), а частная была как бы вторична. Коллективизм проявлялся и в распространении специфических форм организации предпринимательства (артели, товарищества, и т.д.). В Западной Европе, напротив, предпочтение изначально отдавалось индивидуальной частной собственности, а также акционерным обществам, компаниям и кооперативам. Принцип неприкосновенности частной собственности, индивидуализм всегда были доминантами западного менталитета.

Сказанным не ограничивается суть вопроса о причинах возникновения и закрепления в российской ментальности устойчивого негативного отношения к торговцам, ростовщикам и другим субъектам частнохозяйственной деятельности. Ограничившись приведенными аргументами, заметим, что следствием долговременного воздействия на общественное сознание социально–психологического фактора явилось формирование у властной эли-

ты, интеллигенции и большинства русского населения преимущественно негативного отношения к "третьему сословию". Оно проявлялось в различных формах и обстоятельствах: содержании государственной политики, изменениях правительственного курса по отношению к предпринимательству, его взаимоотношениях с интеллигенцией, представители революционно–демократического направления которой не в лучшем виде отразили его собирательный образ в публицистике, художественном творчестве, а также отечественном историографическом наследии. Не останавливаясь подробно на анализе последнего, данном в работе автора [11], покажем, как менялись акценты по отношению к субъектам пореформенной модернизации в отечественной историографии.

В дореволюционный период публицисты и исследователи, хотя и не все и не одинаково, но в целом достаточно объективно, не без заметной доли пристрастности к активной торгово–промышленной прослойке населения, освещали деятельность всех субъектов хозяйственно–экономической деятельности.

Советские историки, напротив, характеризовали деятельность отдельных субъектов модернизации избирательно. Причем, если деятельность научно–технической интеллигенции они рассматривали объективно, то содержание деятельности органов государственной власти, предпринимателей и иностранцев характеризовали негативно, с позиции "классового подхода", а ее результаты замалчивали, предпочитая раскрывать общие тенденции экономического развития и проблемы социально–экономической истории.

Современные исследователи в целом избавились от такого похода, справедливо указывая, как на прогрессивные, творчески созидательные аспекты предпринимательства, так и (в меньшей степени) на ущербность моральной стороны деятельности дореволюционных предпринимателей [11, с.32].

Завершая рассмотрение вопроса о специфике отношения российской власти и общества к предпринимательству, следует заметить, что оно проявлялось в недооценке его активной и общественно–полезной роли в модернизации, игнорировании активного участия в развитии экономики и других сфер общественной жизни, отсутствия интереса к истории его становления и развития, а объяснялось все это многими причинами: принижением положением "третьего сословия" в самодержавно–крепостническом государстве, "не рыночностью" (не буржуазностью) основной массы российского общества, политико–идеологическими установками лидеров политических партий и объединений и др.

Закрепленный в общественном сознании "негативный имидж" отечественного предпринимателя по мере

проведения правящей элитой прозападного (либерально-социально-экономического) курса во внутренней политике и протекавшей на протяжении полувековой буржуазной социокультурной трансформации духовного облика и образа жизни делового мира Петербурга перерос в социальный антагонизм, а настойчивое и вызывающее навязывание модернизаторами российскому обществу стандартов и духовных ценностей (индивидуализма, прагматизма и рационализма и др.), присущих западному обществу, встречали упорное сопротивление подавляющего большинства крестьянского и значительной части городского населения России. Забегая вперед, отметим, что нарастающий в пореформенный период междоцивилизационный социокультурный раскол, вместе с такими известными фундаментальными причинами, как: нерешенность земельного, рабочего и национального вопросов и др., в итоге вызвали революционные потрясения начала XX века.

Возвращаясь к выяснению предпосылок революционного кризиса начала XX века, следует подчеркнуть закономерность его возникновения в Петербурге, который играл, по нашему мнению, особую роль в историческом развитии России. А это препятствует выяснению всех предпосылок возникновения и причин повторяемости революционных событий в Петербурге. Надо сказать, в исторической литературе причины Февральской и Октябрьской революций традиционно (в общем справедливо) объясняются возникновением здесь острых социально-экономических и политических противоречий между буржуазией и пролетариатом, самодержавной властью и широкими слоями интеллигенции, недовольными отсутствием демократических свобод (ограничением свободы участия в выборах представителей податных сословий и отдельных социальных групп, забастовок, деятельности профсоюзов) и др. Все это так, но при рассмотрении ситуации с точки зрения традиционного подхода упускаются некоторые важные аспекты, связанные с влиянием отдельных социально-экономических и социокультурных факторов, которые могут быть выявлены лишь с помощью комплексного, многофакторного анализа и модернизационного подхода. Не претендуя на подробное освещение вопроса о роли Петербурга в историческом развитии России, раскрытом в монографии автора [10, с.40–56], ограничимся изложением обобщенных результатов этого исследования.

Социально-экономическое и культурное развитие Петербурга во 2-й пол. XIX – нач. XX вв., с одной стороны, определялось общими ситуационными факторами (государственной политикой, экономическими кризисами, изменениями хозяйственно-экономической конъюнктуры и др.), а, с другой стороны, – специфическими местными условиями (особенностями геополитического положения, природно-климатической среды, социально-демографической структуры и менталитета основных социальных

групп населения имперской столицы. Благодаря этим факторам, Петербург выдвинулся на роль общероссийского лидера, инициатора и вдохновителя капиталистической модернизации. При этом динамика и содержание модернизационного процесса, состоящего из ряда этапов*, определялись соотношением сил субъектов модернизации и ее противников.

* Отечественная пореформенная модернизация включала следующие крупные временные отрезки: предреформенный (протоиндустриальный) период (начало XIX в. - 1850-е гг.) - время создания предпосылок капиталистической модернизации. В этот период машинное производство получило относительно широкое распространение в текстильной и, отчасти, металлообрабатывающей промышленности. Социальная модернизация шла медленно и затронула в основном лишь верхи городского населения из числа дворянства, чиновничества и интеллигенции.

Для второго, пореформенного периода (1860-е гг. - начало XX в.) характерно широкое развертывание процесса модернизации в Петербурге, а вслед за ним и в ближних и дальних губерниях Российской империи. При этом внутри данного периода выделяются два этапа. Первый этап (1860 - вторая половина 1870-х гг.) характеризовался относительно свободным развитием капитализма, расширением масштабов и углублением капиталистической модернизации. Реформы 1860-1870-х гг. подготовили почву для важнейшего этапа модернизации - индустриализации Российской империи, но реально эта индустриализация началась в середине 80-х гг. XIX века.

На втором этапе (с середины 1880-х гг. - по начало XX в.) произошел крупный поворот в экономической политике, усиливается вмешательство государства в частнохозяйственную деятельность. Он характеризовался возникновением большой социальной дифференциации и острых противоречий между европеизированным меньшинством высших и части средних городских слоев, с одной стороны, и православно-русским, мещанским и крестьянским большинством населения Петербурга, с другой стороны.

Субъектами (инициаторами) модернизации, как было сказано, выступали: центральные властные структуры, местные органы городского самоуправления, общественные организации, предпринимательские слои населения и интеллигенция. Итогом проведения преобразовательной государственной и муниципальной политики явилось обновление социально-экономической, политико-правовой и культурной сфер, технико-технологической базы городской промышленности, транспортной инфраструктуры, средств связи, повседневной жизни, жилищно-бытовых условий, менталитета отдельных слоев и социальных групп населения, духовной сферы личности человека. Осуществляя модернизацию в целях преодоления технико-экономического отставания России от ведущих европейских держав и укрепления существующего строя, самодержавная власть вынуждена была проводить политику форсированного насаждения капитализма "сверху", причем делала это весьма непосредственно и избирательно по отношению к отдельным отраслям экономики и сферам общественной жизни.

Изменения в экономике, социальной и духовной сферах общественной жизни Петербурга происходили с разной скоростью и результативностью. Особенно динамично модернизационные процессы протекали в ведущих отраслях столичной крупной и средней промышленности (в машиностроении, металлообрабатывающей, химической и электротехнической промышленности), на транспорте, в кредитно-финансовом деле, но медленнее – в торговле, мелкой и кустарной промышленности. Сложно и неоднозначно протекал процесс социокультурной трансформации населения столицы. Конкретными направлениями и одновременно главными итогами пореформенной модернизации явились: рост численности и изменение качественных характеристик населения, утверждение и повышение роли городского самоуправления в решении местных социально-экономических проблем, развитие деловой активности, промышленности, торговли, транспортной и кредитно-финансовой инфраструктуры, расширение и "окультуривание" территории города, решение вопросов безопасности и экологических проблем.

Среди основных субъектов модернизации, как было сказано, выделялся предпринимательский класс. Изучение литературы и источников позволяет утверждать, что именно ему во многом обязан Петербург главными успехами в технико-технологической и экономической модернизации.

Проиллюстрируем сказанное примерами пореформенного развития промышленности, торговли и финансовой сферы столицы. Сравнительный анализ соотношения производительности частных и казенных (государственных) промышленных предприятий Петербурга показал, что в 1867 г. на 3 казенных предприятиях трудилось 717 рабочих (2,2 % от всей численности рабочих) и производилось продукции на 581 тыс. рублей (1,2% стоимости производства всей промышленности города). В 1879 г. численность рабочих и сумма производства на казенных предприятиях достигли 1962 человек (2,8 %) и 2912 тыс. руб. (1,8 %) [10, с. 33], что, как видно, составляло незначительную долю. Заметим, что в 1880–1890-е гг. роль государственных предприятий в промышленной сфере заметно возросла, но во 2-й половине XIX века не была преобладающей.

Важно заметить, что столичный деловой мир сыграл ведущую роль в технико-технологической и экономической модернизации Петербурга, ближних и дальних губерний. В 60–70-е гг. XIX в., столичная промышленность лидировала в общеимперской технико-технологической модернизации, что объясняется опережающим внедрением в производство паровой энергетики. В целом за период с 1867 по 1900 гг. число столичных предприятий увеличилось с 229 до 490, причем в их числе в конце XIX в. было 174 крупных [8, с. 19]. Процесс концентрации со-

проводился оснащением предприятий системами машин (паровыми молотами, насосами, локомотивами, паровыми, газовыми и керосиновыми турбинами, различными сложными станками), ростом энерговооруженности и производительности труда не только в ведущих базисных, но и в других отраслях промышленности.

В 1894/1895 гг. паровые двигатели имелись на 65% крупных заводов и фабрик Петербурга. При этом мощность паровых машин выросла с 18414 в 1879 г. до 69949 л.с. в 1894/1895 гг. Благодаря широкому внедрению паровых двигателей, совершенствованию техники и технологии, улучшению организации производства, производительность труда в денежном выражении возросла с 47204 тыс. в 1867 г. до 242152 тыс. руб. в 1900 г. (то есть в 5 раз), в то время как численность рабочих увеличилась с 31009 до 113332 (в 3,6 раза) [8, с. 18–19].

Справедливости ради следует сказать, что в 90-е гг. XIX века петербургская промышленность по некоторым количественным и качественным параметрам (общим объемам производства, численности рабочих, паровых двигателей и др.) была заметно потеснена конкурентами из Московского, Польско-Привисленского и других экономических районов. Согласно статистическим данным на 1896 год больше всего паровых сил приходилось на Петроковскую губернию (59023 л.с.), за нею шли: Петербургская (49795), Московская (35512) и Владимирская (17745) губернии. По общей производительности фабрик и заводов, зарегистрированных в том же году в сумме 2475 млн. рублей, Петербург занял лишь второе место с 317 млн. рублей* после Московской губернии с 403 млн. рублей. Третье место заняла Петроковская губерния (216 млн. руб.), четвертое – Владимирская (178 млн. руб.).

* Сумма производства Санкт-Петербурга в 1894/1895 гг. составляла примерно 145 млн. руб. Столь большая разница, по-видимому, объясняется тем, что в энциклопедическом словаре учтена общая производительность, включающая доходы от торговли, финансово-кредитных учреждений и прочие поступления.

По количеству рабочих 113345 чел., занятых на петербургских фабриках, столичная губерния в это же время занимала лишь четвертое место после Московской (221408), Пермской (138920) и Владимирской (122267) губерний. По отдельным отраслям текстильной промышленности Петербургская губерния находилась на 2–5 местах. В целом же удельный вес исследуемого района по стоимости производства уменьшился с 11,1% в 1887 году до 9,6% в 1900 году. В то же время по числу рабочих он несколько вырос с 7,4 до 8,1%. Это объясняется тем, что в столице особенно интенсивно шел процесс концентрации рабочего класса на крупных металлургических, машиностроительных и текстильных предприятиях.

Особенно значительным был вклад предпринимательства в развитие кредитно-финансовой, торговой и других сфер материального производства. Если в конце 1860-х гг. в Петербурге функционировало 28 различных банковских и кредитных учреждений, то в начале XX в. их было уже более 50. В 1890 г. на долю Петербурга приходилось свыше половины банковского капитала, в 3 раза больше, чем на долю Москвы и вдвое больше российской провинции. К началу XX века в Петербурге действовали 13 банков, из которых 7 числились в десятке крупнейших в России (для сравнения, в Москве действовали 7 банков, из которых 2 числились в десятке крупнейших). Ведущие позиции в отечественной банковской системе заняли Международный, Учетный и ссудный, Волжско-Камский, Русский для внешней торговли, Азовско-Донской, Сибирский Торговый банки.

В 1866 году в Петербурге насчитывалось 16413 торговых и промышленных заведений; из них 11669 (71%) относились к заведениям розничной торговли (магазинам, лавкам, ларям, окошкам и пр.); 308 (2%) заведений оптовой продажи (кладовые, амбары, склады); 598 (4%) – заведения "особых промыслов" (конторы, пароходные пристани, биржи дилижансов, станции и пр.). По данным 1891 года в Петербурге с пригородами насчитывалось 21308 торговых заведений, подразделяемых на мелкие (9136) и сравнительно крупные (11992). В число крупных входило 4534 заведения, торговавших жизненными припасами и имевшие оборот свыше 35905 тыс. рублей, и 980 торговавшие тканями и одеждой, с оборотом свыше 67198 тыс. рублей, 117 – мукой, зерном и солью оптом с оборотом 57678 тыс. рублей, 311 – табачными изделиями с оборотом 8882 тыс. рублей [10. С.104–105; 156–158; 171].

Предпринимательство, как было сказано, развивалось под воздействием многих общих и специфических факторов. При этом общие факторы неоднозначно влияли на развитие отдельных сфер, форм предпринимательской деятельности, социальную структуру делового мира. С одной стороны, периодические повторявшиеся кризисы второй половины XIX и начала XX вв. сопровождалась, как и по всей России, поглощением крупным бизнесом мелких и средних частных предприятий, ростом численности крупных акционерных компаний и концентрации капитала. По подсчетам автора, в Петербурге между 1867 и 1900 годами разорились или были поглощены конкурентами около 80% частных предприятий [10.с.81].

С другой стороны, происходило усиление дифференциации в среде предпринимателей, вызванное сословными предпочтениями верховной власти и изменением экономической политики по отношению к предпринимателям. Это проявилось, в частности, в господдержке крупного предпринимательства и выделении в структуре делового мира Петербурга верхнего "буржуазного" слоя представителей финансово-промышленной элиты, ори-

ентированного на заграничных инвесторов [1, с.25]. Точнее, на наш взгляд, охарактеризовать данный слой как "элиту" делового мира, отличавшуюся светским буржуазным менталитетом, "европеизированным" обликом и образом жизни. При этом внутри столичного предпринимательства выделялись не только "элитный" слой, но и близкая к нему по уровню и жизненным стандартам сравнительно небольшая прослойка среднего слоя предпринимателей. Элитной "европеизированной" части делового мира противостояла остальная часть среднего и мелкого предпринимательства Петербурга, близкая по имущественному положению и ментальности к провинциальному предпринимательству. Ее профессиональная, социальная, общекультурная и социально-психологическая структуры, конечно, тоже не была монолитной. Она включала купцов-гильдейцев, представителей городских и сельских предпринимателей, не входящих в гильдии, иностранцев, "иностранцев" (не русских подданных Российской империи) и другие категории, различающиеся по своему социально-экономическому положению, образу жизни, поведению.

Столичное предпринимательство во 2-й пол. XIX – начале XX вв. было не только активным субъектом пореформенной модернизации экономики и других сфер общественной жизни, но и само являлось объектом модернизации, под влиянием которой изменялись его количественные и качественные параметры.

Общей тенденцией в развитии предпринимательства был рост численности и усложнение его структуры за счет включения в предпринимательскую деятельность крестьянства, мещанства, дворянства и представителей других сословий.

По данным В.С. Дякина, в 1900 г. в Петербурге насчитывалось 33558 владельцев предприятий с наемными работниками. Из них 7,6% (2532 чел.) было занято в сельскохозяйственных промыслах, 49,9% (16754) – в промышленности и ремесле, 29,6% (9927) – в торговле, 0,3% (113) – в области банковской деятельности и кредита и 3% (1686) – в трактирно-гостиничном промысле. Для сравнения, в Москве в 1902 г. в промышленности и ремесле было занято 57,7% (16445), торговле – 27,5% (7829), трактирно-гостиничном промысле – 3,8 (1100) и только 2,3% в сельскохозяйственном промысле [7, с.144]. В 1910 г. численность хозяев с наемными рабочими составила 44,3 тыс. [18, с.325]. Как видно из приведенных данных, в структуру предпринимательского класса включены основные отраслевые группы без выделения крупного, среднего и мелкого предпринимательства. К тому же данные относятся к началу XX века. К сожалению, более ранние сведения о численности отдельных отраслевых и профессиональных групп и динамике ее изменения (за исключением купечества) не получили удовлетворительного отражения в статистических источниках. Это объясняется недостатками статистических ис-

следований, которые проводились главным образом с целью изучения сословной и социально-демографической структуры населения, где купечество занимало отдельную строку, а другие категории предпринимателей, относящиеся к другим сословиям, не учитывались. В промысловой и налоговой статистике также более полно и точно учитывалось гильдейское купечество, а мелкое предпринимательство отражалось значительно хуже. Но нас с точки зрения модернизации интересуют не все предприниматели, а только те, кто принимали активное участие в пореформенном модернизационном процессе. К ним, как было сказано выше, прежде всего, относилось гильдейское купечество (деловой мир).

Прежде чем перейти к рассмотрению структуры столичного предпринимательства, покажем его численность в сравнении с другими территориальными отрядами российского предпринимательства в свете данных общероссийской переписи 1897 года. Всего в Петербургской губернии насчитывалось 20 тыс. купцов, из них в Петербурге – 17,4 тыс. чел. В Московской губернии проживало 23435 лиц купеческого звания (в Москве – 19491), Херсонской губернии – 12303 (в Одессе – 4965), в Киевской – 11934 чел. В остальных российских губерниях в конце XIX века численность купечества не достигала и 10 тыс. человек [17, с. 16,18].

Следует заметить, что профессиональная и социальная структура столичного предпринимательства, в основном, гильдейского купечества во 2-й пол. XIX – нач. XX вв., хотя и не бесспорно, но в целом исследована вполне удовлетворительно [2; 6; 28]. Поэтому ограничимся здесь лишь кратким изложением наиболее важных показателей количественных и качественных характеристик и общих тенденций пореформенного развития делового мира Петербурга.

В 1869 г., по подсчетам М.Н. Барышникова, верхи петербургского делового мира – почетные граждане – насчитывали 6990 чел. (1 % от общей численности населения столицы). Среди них русские составляли 4991 чел. (74,6% от общего числа), немцы – 1310 чел. (19,6%), евреи – 871 (4%). Купцов 1 и 2-й гильдий было 22333 чел (3,3 %), в том числе русских насчитывалось 16894 чел. (77,5%), немцы – 3355 чел. (15,4%), евреи – 871 чел. (4%).

В 1897 г. группа почетных граждан заметно выросла, составив 23017 чел (1,8%). Русских среди них было 19540 чел. (84,9%), немцев – 2571 (11,2%), поляков – 253 (1,1%), евреев – 184 (8%). Примечательно, что количество купцов сократилось до 17411 (1,4%) Из них русских было 14 тыс. чел. (80,4%), немцев – 2087 (12%), евреев – 654 (3,8%), поляков 120 (0,7%) [1, с.95]. Эти изменения были обусловлены ростом престижа звания почетного гражданина, по сравнению с купцом. Поэтому многие купцы стремились перейти в эту группу избранных.

Тем не менее экономический вес гильдейского купечества в столичной экономике значительно вырос. Как показал анализ налоговой статистики, в конце XIX века в Петербургской губернии (вместе с Петербургом) насчитывалось 9066 различных торгово-промышленных предприятий (в том числе, 872 предприятия 1-й гильдии и 8194 – 2-й гильдии). Годовой оборот всех гильдейских предприятий составил более полутора миллиардов (1579198 тыс.) рублей, годовая прибыль – 32 млн. 360 тыс. рублей [15, с.69–80]. Малые предприятия и ремесленные заведения, хотя по численности и превосходили крупное и среднее предпринимательство, по годовому обороту и прибыльности бизнеса не шли ни в какое сравнение с гильдейскими предприятиями. Тем не менее, значение малых предприятий в столичной экономике и социальной сфере было весьма существенным, поскольку они обслуживали интересы широких слоев населения Петербурга.

В 1881 г. лица, которых по роду занятий можно считать представителями промышленной буржуазии, составляли 5 % населения. В пореформенные годы вдвое возросла численность торговой буржуазии Петербурга. Если в 1868 г. в Петербурге было 16413 торговцев, то в 1881 г. их было уже 43 тысячи [20, с. 180]. Определенный интерес имеет социальный состав коммерсантов. В 1868 году в числе 8848 торговцев было 409 дворян, 4194 купца, 4000 мещан. Остальные 245 человек, относились к юридическим лицам (торговым компаниям и разным учреждениям). Кроме того, в Петербурге торговало 7565 физических лица из числа приезжих. Большую часть из них (4924 чел.) составляли крестьяне, за ними шли иностранные подданные (1250), мещане и ремесленники (644), купцы (539), нижние воинские чины и вольноотпущенные (298). Как следует из приведенных данных, уже в начале пореформенного периода торгово-промышленный слой Петербурга отличался сложным социальным составом, в котором численно преобладали купечество (47%) и мещанство (45%). Обращает на себя внимание большое число приезжих торговцев, среди которых преобладали крестьяне (65%). Значительной была также прослойка иностранцев (16,5%) [5, с.122].

Рассмотрев количественные изменения в структуре предпринимательства, перейдем к раскрытию его качественных параметров, практически не получивших удовлетворительного освещения в научной литературе. Отмеченная выше социокультурная трансформация облика и образа жизни делового мира Петербурга была обусловлена не только последствиями либеральной экономической политики, но и притоком в ряды купечества представителей дворянства, чиновничества, интеллигенции, а также наличием в составе столичного населения большого числа иностранцев. Так, если в 1864 г. в составе населения Петербурга было 15948 тыс. иностранцев, что составляло примерно 3 % от общего числа его жителей и 9530 финнов (1,7%), то в 1900 г. их было уже 23851 чел. (1,6%)

и 21358 – финских подданных (1,4%). Снижение удельного веса иностранцев в составе городского населения не должно вводить в заблуждение. Как видно из абсолютной численности иностранцев, к началу XX века она даже выросла. А если к ним прибавить финское население Петербурга, которое также можно отнести к числу субъектов модернизации, то прослойка из числа иностранцев и финских подданных Российской империи составила в 1900 г. около 3% [21, с. 72]. Но суть дела состоит не в количестве модернизаторского ядра, а в содержании и результатах его влияния. Оно проявлялось, во-первых, в прямом заимствовании петербуржцами новых технологий и передовой предпринимательской культуры, во-вторых, во внедрении в быт горожан, в первую очередь, состоятельных классов, предметно-обиходных новшеств западноевропейского производства, в-третьих, в усвоении жителями столицы элементов западной культуры и т.д.

В результате влияния всех упомянутых выше субъектов модернизации происходил процесс социокультурной трансформации городского населения. Рассмотрим его на примере купечества. Анализ литературы и источников, показал, что под влиянием модернизационных процессов шло постепенное преодоление сословной замкнутости и модернизации ("европеизации") купеческого быта, изменение психологического и культурного облика купцов. При этом в связи со спецификой столичного положения процесс социальной модернизации опережал по времени остальную Россию, отличался более "цивилизованным" (европейским) путем перехода в новое качество жизни и предпринимательства. В связи с относительно высоким удельным весом в составе петербургского предпринимательства иностранцев и выходцев из многих этнических меньшинств, превосходящий средний уровень по России, оно в массе своем миновало процесс "одворянивания", больше присущий московскому купечеству, с неизбежным копированием аристократических привычек, образа жизни "первого сословия", заимствуя вместо этого европейские стандарты в облике, поведении, быту. По свидетельству одного из современников, первогильдейское купечество было одето на рубеже веков по последней моде, их своеобразная галантность роднит их с собратями в столичных магазинах Западной Европы. В своей частной жизни они стараются не отстать от петербургских чиновников: те же театры, рестораны и кафе [27, с.97–100]. Верхний слой купечества уверенно осваивал фешенебельные районы Петербурга, ранее заселенные аристократией и иностранцами. "Элита" купечества открывала собственные магазины на Невском проспекте, Морской улице и на других престижных магистралях города. Гильдейское купечество поселялось в собственных особняках в элитарных районах столицы в Адмиралтейской, Казанской и Литейной частях [16, с.223]. Но гильдейское купечество было неоднородным по национальному происхождению и потому отличалось по образу жизни. Если предприниматели-иностранцы предпочитали иностранные стандарты и образ жизни и

проживали в центральных районах города, то русские купцы, заимствуя отдельные западные и интеллигентские черты в стиле жизни, проживали, преимущественно в Московской, Рождественской частях, на Васильевском острове и в других "демократических" районах столицы [19, с.43]. К тому же среди петербургского купечества выделялись средние и мелкие слои, отдельные профессиональные группы, отличающиеся по своему облику и образу жизни. Большинство купечества в укладе – "проще, хлебосольнее, национальнее, курьезнее привилегированного купечества", – отмечал М.Д. Приселков. – В нем еще живет умеренность политических воззрений, старое и традиционное церковное строительство и благоговение в разных его видах". Промышленное купечество, по мнению того же автора, бесцветнее, беднее отенками, быт его более интеллигентски культурнее, а представители денежного капитала, по своей природе и связям интернационального, несут на себе следы этого национального безразличия [12, с.43].

В заключение необходимо отметить, что Петербург на протяжении XIX – нач. XX вв. являлся не только столицей Российской империи, ее крупнейшим торгово-промышленным, научным и культурным центром, но и инициатором, лидером технико-технологической, экономической модернизации, что объясняется рядом преимуществ, вытекающих из его геополитического, географического и столичного положения. Несомненно, что в конце XIX в. Петербург по некоторым производственно-экономическим показателям был несколько потеснен губерниями Центрального промышленного района, Юга России, Польско-Привисленского края, Прибалтики и Финляндии, он продолжал занимать видное место в общеимперском разделении труда как крупнейший научно-технический и финансовый центр Российской империи, средоточие передовой машиностроительной, металлообрабатывающей, текстильной, электротехнической и химической промышленности. Благодаря особому положению, столичное предпринимательство играло ведущую роль в завершении промышленной революции, широком развертывании индустриализации и социальной модернизации. Являясь ведущим отрядом российского предпринимательства, столичный деловой мир внес большой вклад в реформирование многих отраслей материального производства, социальной и духовной сфер не только Петербурга, но и других регионов России. Вместе с тем его общая с другими субъектами пореформенной модернизации активная преобразовательная деятельность способствовала возникновению неравномерности развития в отдельных отраслях материального производства и нематериальной сфере. При этом европеизированная верхушка властной элиты, интеллигенции и делового мира Петербурга, в процессе последовательной реализации либерального социально-экономического курса во внутренней политике и буржуазной социокультурной трансформации духовного облика, образа жизни городской "элиты" довела возникший в ходе реформ разрыв с традиционным православ-

но-русским коллективистским менталитетом большинства постоянного мещанского и "пришлого" (временного) крестьянского населения до социального антагонизма.

Торможение модернизационных процессов в аграрном секторе экономики, политико-правовой и социальной сферах общественной жизни страны привело к появлению и обострению социальных противоречий между наемными рабочими и владельцами заводов и фабрик, помещиками и крестьянством, интеллигенцией и правительственным аппаратом, которые под влиянием мирового экономического кризиса начала XX в. и поражения в

русско-японской войне вызвали первую российскую революцию. После ее поражения модернизационный процесс продолжился, но нерешенность назревших социальных противоречий, обострившихся под влиянием первой мировой войны, привели страну к Февральской и Октябрьской революциям 1917 года. Опыт модернизации второй половины XIX – начала XX веков свидетельствует о том, что технико-технологическая модернизация, не подкрепленная реформами во всех сферах экономики, социальной и политической жизни, приводит к ограниченным результатам и непредвиденным для субъектов модернизации последствиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышников М.Н. Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. Монография. СПб: Книжный Дом, СПб ИГО, 2006. 412 с.
  2. Барышников М.Н., Османов А. И. Петербургские предприниматели во второй половине XIX – начале XX вв.: социальная структура, представительные организации, политические партии. СПб.: Нестор, 2002. 292 с.
  3. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма // Сочинения / Сост. А.В.Гулыга. М.: Раритет, 1994. 416 с.
  4. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990.
  5. Виды внутренней торговли и промышленности в Санкт-Петербурге. СПб, 1868.
  6. Вишняков-Вишневецкий К.К. Иностранцы в структуре Санкт-Петербургского предпринимательства во второй половине XIX – начале XX века. СПб.: Beresta, 2004. 383 с.
  7. Дякин В.С. Структура имущих верхов России в конце XIX – начале XX вв. К постановке вопроса// Английская набережная, 4. Ежегодник. СПб., 1997. С.127–148.
  8. Кузнецов В.Н. Значение предпринимательства в модернизации промышленности Северо-Западного района (1860–1890 гг.) // Общество. Среда. Развитие. 2010, № 3. С.17–22.
  9. Кузнецов В.Н. Исторические условия и особенности развития предпринимательства в России (К постановке проблемы)// Клио.2001. № 3. С.43–56.
  10. Кузнецов В.Н. Предпринимательство и процессы модернизации Российской империи во второй половине XIX века (на материалах Северо-Западного района). СПб.: Астерион, 2014. 312 с.
  11. Кузнецов В.Н. Роль петербургского предпринимательства в создании предпосылок отечественной промышленной революции (первая половина XIX века) // "Общество.Среда.Развитие". 2010, № 2. С.32–38.
  12. Купеческий бытовой портрет XVIII–XX вв. Л., 1925.
  13. Лосский Н.О. Характер русского народа. В 2-х книгах. Кн.1. Посев, 1958.
  14. Лубков А.В. Великий разлом //Историк. 2017. № 2. С.16–21.
  15. Материалы для торгово-промышленной статистики. Статистические результаты процентных и раскладочных сборов за 1890, 1891, 1892... 1896, 1897, 1898 годы по исчислению, классификации и определению сборов и прибылей торгово-промышленных предприятий, подлежащих сим сборам. СПб., 1895–1900.
  16. Очерки истории Ленинграда. В 7 т. М.–Л., 1955–1989. Т.2. Период капитализма. Вторая половина XIX века. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 885 с.
  17. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: Краткие общие сведения по империи. СПб., 1905.
  18. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.): статистические очерки / Под ред. акад. С.Г. Струмилина. М.: Гос. статист. изд-во, 1956. 350 с.
  19. Санкт-Петербург. Исследования по истории, топографии и статистике столицы. Т.3. СПб., 1868.
  20. Санкт-Петербург: 300 лет истории. СПб.: Наука, 2003. 706 с.
  21. Санкт-Петербург. 1703–2003: Юбилейный стат. сб. / Под общ. ред. И.И. Елисеевой и Е.И. Грибовой. Вып.1–3. СПб., 2001–2004. Вып.2. СПб.: Судостроение, 2003. 232 с.
  22. Статистический атлас главнейших отраслей фабрично-заводской промышленности Европейской России с поименным списком фабрик и заводов. СПб., 1869.
  23. 1000 лет русского предпринимательства. Их истории купеческих родов. М.: Современник, 1995. 478 с.
  24. Указатель фабрик и заводов Европейской России с Царством Польским и Великим княжеством Финляндским. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1881.
  25. URL: http://www.orthedu.ru/ch_hist/hi_rpz/maps/205mizh%20i.htm (дата обращения: 10.11.2017).
  26. Хорькова Е. П. История предпринимательства и меценатства в России. Учеб. пособие. М.: ПРИОР, 1998. 496 с.
  27. Чериковер С. Петербург. М., 1909.
- Юхнева Н. В. Чистов К. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX века. Статистический анализ. Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. 220 с.